

Черты коллективного политического портрета помещиков Орловской губернии

В. Ф. Блохин

Для цитирования: Блохин В. Ф. Черты коллективного политического портрета помещиков Орловской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 718–741. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.303>

В 2011–2013 гг. автор статьи участвовал в исполнении проекта «Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии (опыт компьютерного анализа массовых источников)» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В рамках этого исследования были затронуты не только темы, в основе которых лежал анализ массовых источников, но и разработаны некоторые сюжеты, связанные с особенностями социально-экономической ситуации в регионе. Полученные результаты показали необходимость более углубленного изучения этих вопросов, и работа была продолжена, а некоторые наблюдения, сделанные в процессе предварительного исследования, приведены в представленной статье. Ключевым моментом в ней является обсуждение проблем, связанных с определением оснований для выработки позиции провинциального дворянства в существовавшем на тот момент соотношении интересов верховной власти, бюрократов-реформаторов и помещиков — непосредственных владельцев крестьян. Автор предпринял попытку составить коллективный портрет представителей землевладельческой и аграрно-промышленной элиты, а также среднепоместного дворянства Орловской губернии. Период деятельности дворянских комитетов накануне отмены крепостного права в России явился пиком политической активности помещичьего дворянства, временем, когда в полном объеме проявились субъективно-личностные факторы в подготовке крестьянской реформы. Изучение пестрого разнообразия оттенков во взглядах помещичьего дворянства, анализ факторов, определивших его взгляды в этих условиях и степень взаимодействия с правительственными структурами, помогут расширить представления о мере вклада в содержание основ предстоящих преобразований и уровне исторической ответственности главного сословия страны. В представленной статье речь идет об орловском дворянстве, которое на этапе подготовительных работ по составлению проекта отмены крепостного права получило за свое усердие наименование «орловская партия». Необходимо отметить, что автор не ставит задачу анализа интересов местных помещиков, а пытается дать оценку вкладу дворянства конкретной территории в решение общих проблем первого сословия страны.

Ключевые слова: Орловская губерния, провинциальное дворянство, помещики, «либеральная бюрократия», отмена крепостного права в России, дворянская оппозиция.

Валерий Федорович Блохин — д-р ист. наук, проф., Брянский государственный университет, Российская Федерация, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14; blohin.val@yandex.ru

Valeriy F. Blokhin — Dr. Sci. (History), Associate Professor, Bryansk State University, 14, Bezhitskaya ul., Bryansk, 241036, Russian Federation; blohin.val@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Collective Political Portrait of Landlords of the Oryol Province

V. F. Blokhin

For citation: Blokhin V. F. Collective Political Portrait of Landlords of the Oryol Province. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 718–741. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.303> (In Russian)

Within the previous work during the launch of the project “Implementation of the reform from February 19, 1861 in the Oryol province (experience of computer analysis of mass sources)” the topics touched upon were not only the ones which were based on the analysis of mass sources, but also some scenarios related to the aspects of the socio-economic situation in the region were developed. The work was continued, and some observations made during the preliminary study are given in the presented article. The key point here is the discussion of problems related to the “determination of the grounds” for the development of the position of the provincial nobility with regards to existing at that time correlation of interests between the supreme power, bureaucratic reformers and landowners. The author attempts to outline a collective portrait of the representatives of the landowning and agrarian-industrial local nobility of the Oryol province. This period in question was the peak of the political activity of the local nobility, a time when subjective and personal factors in the preparation of the peasant reform were fully manifested. The representatives of the Oryol nobility had different motives that determined their attitude to the upcoming abolition of serfdom. The study of a wide variety of differences in the views of the local nobility, the analysis of the factors that determined their views in these conditions, will help broaden the understanding of the foundations of the upcoming transformations and the level of historical responsibility of the main estate of the country.

Keywords: Oryol province, provincial nobility, landowners, “liberal bureaucracy”, abolition of serfdom in Russia, noble opposition.

Среди многообразных факторов, из которых складывается исторический процесс, важное место принадлежит личности, но в отечественном историческом дискурсе ей далеко не всегда придавалось надлежащее значение. Историю отмены крепостного права в России можно считать в определенном смысле счастливым исключением, поскольку участникам подготовки реформы в научных сочинениях было уделено довольно много внимания. Уже первые исследования, посвященные этому важнейшему событию, оценивали его не только как исполнение требования объективной реальности, но и в качестве результата активной деятельности сторонников прогрессивных идей. Причина видится в том, что реформа затрагивала интересы различных категорий населения Российской империи, а ее разработка и воплощение в жизнь вызвали к жизни как назревшее желание реализации нравственных потребностей и человечности, так и традиционную склонность к косности и мизантропии.

Вполне закономерно, что в исторических сочинениях долгое время не находилось места «ревнителям дворянского интереса», составлявшим собственные проекты, подававшим на имя царя записки, смысл которых сводился к стремлению изменить официальную правительственную линию в деле избавления монархии «от давнего бремени крестьянского дела»¹. В отечественной историографии такого

¹ Долбилов М. Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 46.

рода персонажей устойчиво связывали с партией «крепостников», которая была глуха к идеям равенства и справедливости, заботилась только о защите интересов крупных помещиков². Подобные характеристики обеспечили неизменность применяемых в отношении к ним нелестных оценок, воспроизводимых на протяжении многих десятилетий в качестве истины, не требовавшей доказательств.

Рассуждая о «явлениях сознания», характерных для довольно узкого круга лиц и проявлявшихся как чуждые для большинства, один из основателей школы «Анналов» Марк Блок задавался вопросом: «Можно ли ознакомиться с верой, которую не разделяешь, иначе, чем с чужих слов?»³ Разумеется, можно, поскольку подобного рода явления требуют своего исследования и оценки, но из-за неприятия определенных взглядов, отрицательного отношения к людям, их исповедовавшим, зачастую бывает достаточно уже сложившихся и неоднократно воспроизведенных оценок. В результате, однажды выявленные и оцененные, они способны жить и повторяться в неизменном виде до тех пор, пока к ним по тем или иным причинам не проявится новый интерес.

Применительно к процессу подготовки и отмены крепостного права в России запрос на потребность изучения «оппозиции справа» неминуемо должен был пробудиться, поскольку «практически все общие требования, сформулированные помещиками, — от немедленного разверстания и выкупа земель до политического представительства — непосредственно касались перспектив существования дворянства в новых условиях»⁴. Иными словами, речь идет об одном из важнейших участников процесса отмены крепостных отношений, в рядах которого наблюдалось очевидное разделение на различные неоднородные группировки и течения, по-разному относившиеся к ключевым вопросам предстоявших и уже осуществленных преобразований.

Дореволюционные исследователи в своем большинстве симпатизировали сторонникам либеральных преобразований, поэтому в важном деле обновления России им отводилось особое место, соответственно сформированные в среде основных исполнителей задуманной реформы ключевые взгляды на позицию дворян-консерваторов благополучно перекочевали в исторические сочинения.

Непримиримость либералов-реформаторов к требованиям дворянского представительства и всесословного местного самоуправления породила с их стороны характеристику для оппонентов — «олигархи», которая «выполняла сугубо пропагандистскую функцию»⁵ и запугивала перспективой изменения существовавшей государственной системы.

После 1917 г. историческая наука «быстро становилась единодушной и единообразной»⁶. В ней господствовало утверждение, что «крупные помещики Рос-

² Чернуха В. Г. Забытый общественный деятель — граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809–1882 гг.) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 54.

³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 32.

⁴ Христофоров И. А. Дворянские собрания о судьбе «высшего сословия» после отмены крепостного права (60-е годы XIX в.) // Вестник Московского государственного университета. Сер. 3: История. 2000. № 3. С. 55.

⁵ Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 32.

⁶ Чернуха В. Г. Забытый общественный деятель — граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809–1882 гг.). С. 54–64.

сийской империи использовали свои доходы крайне непроизводительно, вели паразитический образ жизни и демонстрировали хозяйственную несостоятельность»⁷. Одновременно произошел отказ от положительных оценок теперь уже и подвижников либеральных идей. Основное внимание было сосредоточено на их оппонентах из числа революционных демократов, считавших реформу 19 февраля 1861 г. несправедливой по отношению к крестьянству и даже более того — грабительской. Различия между «либералами» и «крепостниками» в условиях политики правительства, защищавшего интересы высшего сословия, считались второстепенными и не заслуживавшими серьезного внимания.

Интерес к «оппозиции справа» проявился с созданием в 1958 г. в Институте истории Академии наук СССР группы по изучению революционной ситуации в России под руководством академика М. В. Нечкиной. Объединение специалистов должно было заняться комплексным рассмотрением проблемы, и в 1960 г. вышел первый сборник, явившийся результатом совместной работы⁸. Были намечены основные направления исследования, среди которых особое место занял «кризис феодальной системы», предусматривавший анализ «правительственной политики, борьбы правительственных группировок, борьбы внутри господствующих классов»⁹. В результате не только открылась возможность, но и появилась необходимость изучения правой дворянской оппозиции.

Впрочем, первый сборник не дал подвижек в этом деле, что было подмечено в посвященной ему рецензии¹⁰. Зато в 1962 г. в очередном сборнике, посвященном революционной ситуации, а позднее — в монографии, заметное внимание характеристике дворянских проектов крестьянской реформы уделил ленинградский историк Н. Г. Сладкевич¹¹. В рецензии на его книгу, опубликованной в журнале «Вопросы истории», ее автор — известный исследователь истории отмены крепостного права в России П. А. Зайончковский, отмечал, что помимо привлечения обширного круга источников и литературы Н. Г. Сладкевичем была дана «характеристика дворянских проектов государственных преобразований, носивших как дворянско-олигархический, так и либеральный характер»¹². Для автора рецензии этот материал представлялся особенно ценным, «так как поставленный здесь вопрос обычно не пользовался вниманием наших советских историков»¹³.

Следующим шагом в изучении взглядов дворян-консерваторов можно считать 1987 г., когда академиком Н. М. Дружининым был опубликован объемный материал, посвященный московскому «Журналу землевладельцев», выходившему с пери-

⁷ Юдин Е. Е. Аристократия и богатство в Российской империи в 1890–1914 гг.: структура личных расходов крупнейших землевладельцев (по документам РГАДА, РГИА, ГАРФ) // История и архивы. 2019. № 4. С. 14.

⁸ Революционная ситуация в России в 1959–1861 гг. Академия наук СССР. Институт истории. М., 1960.

⁹ Федосов И. А. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. // Вестник Академии наук СССР. 1961. № 2. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Сладкевич Н. Г.: 1) Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1959–1861 гг. М., 1962. С. 64–92; 2) Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962.

¹² Зайончковский П. А. Н. Г. Сладкевич. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 121.

¹³ Там же.

одичностью два раза в месяц в течение 1858–1859 гг. под редакцией пензенского помещика Алексея Дмитриевича Желтухина. Автор исследования практически впервые затронул проблему влияния проектов российских помещиков на окончательный вариант разрабатываемой реформы¹⁴.

Значительный вклад в изучение подготовительного этапа отмены крепостного права внесла Л. Г. Захарова, вернувшая «либеральную бюрократию» в число значимых участников осуществлявшихся преобразований и поднявшая вопрос о судьбе реформаторов¹⁵. Сложнее обстояло дело с освещением деятельности группировок в среде консервативного дворянства, и в середине 1990-х гг. известный специалист в области российской истории XIX в. В. Г. Чернуха с сожалением констатировала, что еще не пришло время объективных оценок этого сложного явления¹⁶, в обозначении которого в литературе «постоянно использовалось отчетливо уничижительное звучание — олигархи, конституционалисты-англоманы, “придворная партия”»¹⁷.

Сегодня благодаря работам Л. Г. Захаровой, И. А. Христофорова, М. Д. Долбилова, ряда других авторов во многом восстановлена подлинная картина общественно-политической ситуации, сложившейся в стране накануне реформы отмены крепостного права. Признано, что представители консервативной оппозиции в своем большинстве не ставили цель сохранения крепостных отношений. Однако долгие годы забвения этих проблем до сих пор дают о себе знать, особенно на региональном уровне. Участники дворянской оппозиции уже не выглядят ходульно, но через выделение лишь одной из сторон их взглядов, основанной на сохранении дворянских привилегий, стереотип негативного восприятия по-прежнему довлеет в оценочной части их деятельности.

В представленной статье речь идет об орловском дворянстве, которое на этапе подготовительных работ по составлению проекта отмены крепостного права получило за свое усердие название «орловская партия». Необходимо отметить, что автор не ставит задачу анализа интересов местных помещиков, а пытается дать оценку вклада дворянства конкретной территории в решение общих проблем первого сословия страны. При этом он исходит из понимания того, что сложившийся накануне освобождения крестьян конфликт между участниками из числа защитников дворянских устремлений и представителями бюрократии, отстаивавшими приоритет общегосударственных интересов над сословными, породил немало отрицательных стереотипов при критике оппонентов. Оба направления, по словам А. В. Кочукова, активно использовали тактику «постоянного и рационально организованного интеллектуального давления на самодержавие», а в этом случае «запугивание образом врага»¹⁸ выступало в качестве действенного политического средства.

¹⁴ Дружинин Н. М. «Журнал землевладельцев» (1858–1860 гг.) // Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 5–97.

¹⁵ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984.

¹⁶ Чернуха В. Г. Забытый общественный деятель — граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809–1882 гг.). С. 54.

¹⁷ Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах. С. 32.

¹⁸ Кочукова А. В. «Либеральные бюрократы» и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 27.

Таким образом, при оценке результатов деятельности этих характерных для начального этапа подготовки реформы общественных явлений необходимо учитывать контекст исторической эпохи, в котором они протекали, степень оказанного ими влияния на последующие события. Немаловажным фактором выступает также анализ участия отдельных исторических персонажей в деле продвижения определенных идей на уровне их практического применения в осуществляемых преобразованиях. Очевидно, что не только люди из высших правительственных кругов и из ближайшего окружения Александра II способны были оказать влияние на императора и принимаемые им решения, причем исторический результат мог зачастую не совпадать с теми целями, которые преследовали сторонники различных идейных направлений. Для исследователей этих процессов нереализованные инициативы сохраняют свое значение, поскольку состоявшийся способ разрешения проблемы нередко выбирался вопреки, нарочно и даже от противного применительно к этим взглядам.

В нашем распоряжении находится целый комплекс документов, которые лишь частично привлекались в исследованиях, а в большинстве своем впервые вводятся в научный оборот: проекты Орловского дворянского комитета, переписка С. И. Мальцова и В. А. Краинского с В. П. Орловым-Давыдовым, рукописные проекты С. И. Мальцова, В. А. Краинского, В. П. Орлова-Давыдова. Среди периодических изданий особый интерес представляет «Журнал землевладельцев», на страницах которого по подсчетам авторов было опубликовано 28 статей орловских помещиков. Комплекс представленных документов позволяет определить отношение представителей дворянства к предстоящим преобразованиям.

Для того чтобы разобраться в причинах превращения Орловской губернии в один из центров дворянской оппозиции, на наш взгляд, необходимо дать краткую характеристику социально-экономических условий, характерных для этого региона во время подготовки отмены крепостного права. Интересующая нас территория занимала «северо-западную окраину черноземной полосы»¹⁹. Ее положение знаменовалось «переходностью» между центральными, «подмосковными» (Калужской, Тульской и Смоленской) и южными губерниями империи (Курской, Харьковской и Черниговской)²⁰.

В Ливенском, Елецком, части Мценского и Малоархангельского уездов был распространен чернозем. Считалось, что средние по качеству земли приходились на Орловский, Кромский, Болховский, Дмитровский уезды, часть Мценского и Малоархангельского, а худшие — на Брянский и Трубчевский²¹. Около 48 % орловских дворян проживали в городах, 52 % — в уездах. В целом дворяне составляли 0,6 % от общей численности населения губернии.

Орловские деревни были в основном барщинными. По расчетам известного историка крестьянской реформы Б. Г. Литвака, на оброке здесь состояло 23,8 %, на

¹⁹ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. XXIX: Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. СПб., 1871. С. 1.

²⁰ Кащенко С. Г. Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян. Брянск, 2013. С. 131.

²¹ Там же. С. 137.

смешанной повинности — 9,8 % и на барщине 65,8 % крепостных крестьян²². Исследование итогов реформы в Орловской губернии показало, что в ходе преобразований произошла деформация структуры крестьянских наделов, которая складывалась на этой территории на протяжении многих десятков лет: «При этом, с одной стороны, стирались старые феодальные перегородки, а с другой, ломались традиционно существовавшие способы ведения крестьянского хозяйства»²³.

Уже на ранней стадии подготовки реформы эти тенденции были очевидны для местных землевладельцев, которые пытались вмешаться в этот процесс. Результатом явилось то, что эти изменения, «запрограммированные» в Петербурге сеткой высших размеров наделов, установленной местными положениями, были откорректированы владельцами имений на местах. В процессе этой деформации изменилась структура наделов и сократилась общая площадь земли, бывшей в пользовании крестьян²⁴.

До конца 1860-х гг. в черноземном районе не было железных дорог, что создавало трудности в сбыте излишков зерна. Хлеб из Орловской губернии имел ограниченный сбыт в Москве и частично в неземледельческих районах, но не выдерживал более дальней транспортировки к портам Балтийского моря. Результатом являлись низкие цены: четверть ржи от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. (17–27 коп. за пуд); четверть пшеницы — 3–5 руб.²⁵ Такие низкие цены при отсутствии возможностей сбыта продукции ставили под угрозу сохранение крупного сельскохозяйственного производства на основе вольнонаемного труда.

Характер сложившейся в крестьянских хозяйствах земельной структуры, хроническая нехватка земли, неблагоприятное расположение наделов привели к тому, что уже в 1870-х гг. в ряде губерний обнаружилось признаки обнищания крестьян. Новая земельная структура, складывавшаяся в пореформенной России, весьма быстро показала свою нежизнеспособность и не могла обеспечить эффективного развития аграрного сектора экономики.

Предвидя подобные последствия, орловские дворяне на самой ранней стадии подготовки реформы пытались отстоять свои особые права в условиях предстоящих преобразований. Еще 19 января 1858 г. в отчете губернатора, направленном в Министерство внутренних дел, отмечалось, что в Орловской губернии только крестьяне, принадлежавшие владельцам крупных и «отлично устроенных имений», будут способны исполнять свои обязательства перед хозяевами в условиях, когда они станут свободными, то есть «предоставлены собственному распоряжению». В документе также содержалось обращение к правительству в виде предложения принять во внимание обстоятельства, требовавшие учета «как в общих видах, так и в частности по применению к местностям, которые в Орловской губернии весьма разнообразны»²⁶.

²² Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861–1895. М., 1872. С. 56.

²³ Кащенко С. Г. Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. С. 188.

²⁴ Там же. С. 189.

²⁵ Земледелие и земледельцы средней черноземной полосы // Орловский вестник. 1884. 28 февр. № 57.

²⁶ О составлении проекта положения о поземельном устройстве в Орловской губернии // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1291. Оп. 1. 1857. Ед. хр. 6. Л. 5 об.

Тогда же было подготовлено подписанное 29 дворянами Брянского уезда и датированное 31 января 1858 г. письмо в адрес уездного предводителя дворянства В. Р. Демидова для последующей его передачи губернатору. В пространных рассуждениях, касавшихся истории крепостного права в России и практики его отмены в ряде европейских стран, просматривался главный лейтмотив: необходима «благоразумная постепенность, без всякого нарушения права собственности помещиков на принадлежащую им землю»²⁷.

Брянские дворяне дали своеобразную оценку царскому рескрипту, подписанному 5 декабря 1857 г. на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора П. И. Игнатьева: «Возможно ли привести в исполнение по Орловской внутренней земледельческой губернии проект устройства крестьян по губернии Санкт-Петербургской — фабричной, заводской, торговой и приморской?»²⁸ Уже в самом вопросе содержался предполагаемый ответ: различия слишком велики и для разных территорий они подходить одинаково не могут.

В сложных условиях российской практики процесс освобождения не повлек сопротивления поместного дворянства, поскольку реформа была инициирована участием самого царя. Собиратель народных песен, выходец из Орловской губернии П. И. Якушкин так описывал ситуацию с настроениями в помещичьей среде: «Никто не спорит, что владеть человеком, как какою-нибудь вещью, безнравственно! <...> За людей мы не стоим, — крестьян должно освободить, но скажите Христа-ради, за что же у меня землю отнимут и отдадут другому?»²⁹ — это один из широко распространенных подходов к проблеме. Были и другие, более эмоциональные: «Да что же это значит? — спрашивала одна барыня, когда ей прочитали рескрипт. — Уничтожается крепостное право, отвечали ей. — И крепостных крестьян не будет? Крепостных совсем не будет? — Совсем не будет. — Ну, этого я не хочу! — объявила барыня, вскочив с дивана, — решительно не хочу! Пойду сама к государю и скажу: я скоро умру, после меня пусть что хотят, то и делают, а пока я жива, я этого не хочу»³⁰.

На фоне инертности и нежелания поступиться собственными интересами, неспособности освоиться со своим новым положением, любые инициативы, даже не противоречащие задуманному ходу развития, а лишь представлявшие попытку его коррекции, вызывали сочувствие и живой интерес. Неопределенность и сложность ситуации превратила обычных статистов других реформ, осуществлявшихся в России, в строителей новой общественной жизни. Благородные дворяне, никогда не бравшиеся ради таких целей за перо, стали сочинять проекты об освобождении крестьян. По словам К. Д. Кавелина, высказанным им в специальной записке «О нигилизме и мерах, против него необходимых», адресованной в 1866 г. Александру II, «сколько мы знаем таких семейств в дворянстве нашем, где отец, ярый консерватор, вопиет против правительства за то, что оно дало крестьянам часть земли и умирало их повинность, а сын негодует на то же правительство, зачем оно не отдало

²⁷ Письмо брянских дворян // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 777 (П. Н. Тиханов). Ед. хр. 326. Л. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Сочинения П. И. Якушкина: с его биографией и товарищескими о нем воспоминаниями. СПб., 1884. С. 3.

³⁰ Там же. С. 3.

крестьянам всей земли, зачем оставило на них часть повинностей!»³¹. Привычная жизнь провинциальных помещиков даже помимо их воли наполнялась новым содержанием, порожденным проблемой адаптации к современным реалиям, экономическими разногласиями и вариативностью взглядов на предстоящую реформу, привязанностью к привилегиям и осознанием социальной ответственности.

Однако не следует думать, что дворянство повсеместно проявляло небывалую политическую активность и выступало сплоченной силой даже в условиях, когда происходило осознание им его собственных особых интересов при подготовке реформ. Значительная часть представителей высшего сословия по-прежнему отличалась традиционной инертностью и тяготилась службой в сословных учреждениях.

Орловская губерния не являлась в данном вопросе исключением, и определенная настойчивость в реализации уже имевшихся прав могла помочь высшему сословию приспособиться к грядущим преобразованиям. Предводитель дворянства Елецкого уезда (Елец тогда входил в состав Орловской губернии) М. А. Стахович в печатном обращении относительно предстоящих выборов конца 1857 г. пытался предотвратить распространение прежнего опыта «равнодушия» русского дворянства: «Неужели дворянство останется бездейственным до последней крайности, не будет пособлять общими своими трудами благодушному Монарху. <...> Неужели дворяне, ощущая свое положение, требующее ныне с их стороны усиленного разумного труда как для собственного своего благосостояния, так и для того, чтобы подать полезный пример для народной деятельности, неужели дворяне, видя вкоренившуюся административную безнравственность, и зная притом способы вывести общество из этого состояния, будут молчать?»³²

Предводитель дворянства, так же как и многие из представителей этого сословия, понимал, что процесс отмены крепостной зависимости неминуемо повлечет широкое вмешательство государства в отношения между крестьянами и помещиками, лишив последних возможности диктовать свою волю. Отсюда и призыв участвовать «во всех должностях», чтобы все устроить на «основаниях практических, чтобы упрочить и обезопасить общественный порядок»³³. Однако и спустя пять лет Б. Н. Чичерин констатировал, что «фактически дворянство гораздо менее участвует в местных делах, нежели юридически»³⁴.

Определенным исключением являлось дворянство Брянского уезда в Орловской губернии, которое выступило в качестве активных защитников интересов высшего сословия. Во многом это было связано с деятельностью С. И. Мальцова и В. А. Краинского.

К середине 1850-х гг. генерал-майор в отставке Сергей Иванович Мальцов стал одним из крупнейших землевладельцев страны, которому принадлежало 200 тыс. десятин земли, причем рост доходов этого представителя землевладельческой аристократии происходил не только и не столько за счет сельскохозяйственного производства, сколько благодаря использованию новых источников доходов.

³¹ Кавелин К. Д. О нигилизме и мерах, против него необходимых // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 334.

³² [Стахович М. А.] Отзыв к дворянам Елецкого уезда. [Б. м., Б. г.]. С. 1–2.

³³ Там же. С. 5.

³⁴ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 115.

Он являлся практическим хозяином огромного промышленного района (Мальцовского заводского округа), расположенного на территории трех губерний: Орловской (Брянский уезд), Калужской (Жиздринский уезд) и Смоленской (Рославльский уезд). Население округа насчитывало свыше 100 тыс. душ мужского пола, из которых около 13 тыс. работали на мальцовских предприятиях.

Песчаная и малоплодородная почва, а также большое количество леса послужили в этом районе основанием для развития промышленности. Кроме хрустального завода в Брянском уезде, считавшегося лучшим в России, там существовало «17 крупных заводов, фабрик и до 130 более мелких заводов и промышленных построек, где вырабатывалась самая разнообразная продукция: литье, сталь, железо и изделия из них, эмалированная, чугунная, фаянсовая, стеклянная посуда, стекло, пиво, водка, канаты, кирпич, деготь, скипидар и т. д.»³⁵. Здесь же производились сельскохозяйственные машины и орудия, паровозные и вагонные детали.

В Мальцовском округе существовал собственный телеграф, предприятия были связаны между собой шоссейными и узкоколейными дорогами, по реке Болва курсировали торговые и пассажирские суда. Для реализации готовой продукции по всей стране создавались специальные торговые дома. С. И. Мальцов, по свидетельствам современников, сам осваивал все эти производства, отличительными «чертами его характера являлась простота, отсутствие роскоши, излишества: ничего для себя — все для дела»³⁶. Более того, он ежегодно тратил до 60 тыс. руб. на благотворительные цели.

Местные рабочие были расселены в небольших каменных домах на 2–4 комнаты и владели примыкавшей к ним приусадебной землей. Прибывшие на работу со стороны снимали квартиры, которые оплачивались нанимателем. Заработная плата на заводах Мальцова была выше, чем у других предпринимателей, а рабочий день был короче. Рабочие на механическом Людиновском и паровозном Радицком заводах получали 20–60 руб. в месяц, на стекольных и хрустальных заводах — 15–30 руб.³⁷, то есть на уровне столичных промышленных предприятий, имели добротное жилье, и самый бедный из них считал для себя «неприличным в праздник выйти на улицу без суконного сюртука»³⁸. В школах и училищах при заводах обучалось более 1500 детей.

В апреле 1861 г. столичная газета «Северная пчела» сообщала, что крестьяне села Дятьково, которое являлось своеобразной столицей Мальцовского округа, в благодарность за семидесятилетнее управление ими семьей Мальцовых обратились с письмом за подписью 180 человек с просьбой о разрешении поставить на церковной площади монумент «в память 12-го марта (день обнародования Манифеста в Дятьково) и в знак признательности С. И. Мальцову и его отцу. В своем ответе крестьянам владелец промышленного округа заявил, что считает сооружение памятника излишним, но по-прежнему будет вносить за своих крестьян государственные и земские подати (до 20 тыс. руб. в год), а также оставляет вдовам и сиротам пособия (до 10 тыс. руб. в год). С благодарственным письмом к С. И. Мальцову

³⁵ Протопопов С. Заводы ген.-майора Серг. Иван. Мальцова // Орловский вестник. 1880. 15 авг. № 85.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. 14 сент. № 95.

³⁸ Там же.

“за прежнее ими управление, за больницы, им устроенные, за призрение вдов и сирот, за уплату подати и повинностей” обратились также крестьяне села Людиново. Они выразили желание соорудить в селе чугунный памятник, денежные сборы на который были уже начаты, “в котором стояли бы иконы и перед ними на вечные времена теплилась неугасимая лампада”³⁹.

Относясь с осторожностью к оценкам деятельности С. И. Мальцова со стороны подневольных крестьян, трудившихся на практически крепостных предприятиях, следует отметить его значительный опыт хозяйствования, знания в области функционирования сословной системы и общинных отношений. Созданная С. И. Мальцовым промышленная империя являлась примером плодотворной роли покровительственной опеки дворян над крестьянством. Отсюда, вероятно, по чьей-то подсказке возникла история с желанием крестьян соорудить памятник не только своему благодетелю, но и своеобразному символу, основанному на оправдании и подтверждении морального права помещика на распоряжение судьбами подвластных ему людей, а С. И. Мальцову принадлежала особая роль в проведении в жизнь этого «идеала».

Однако на практике крестьяне и бывший их владелец продолжали оставаться в состоянии острых разногласий, поскольку сохранялись проблемы обязательного оброка, взыскания повинностей, выкупных платежей — важнейших вопросов их взаимоотношений. С. И. Мальцов сумел подчинить сословный интерес новым принципам организации отношений с крестьянами, но этот интерес не исчез, он лишь принял иные формы и в любой момент мог снова оказаться в качестве главного, определяющего в правоотношениях двух сословий. Дворянин не принимал участия в мирском наделе, не подлежал мирской раскладке, не подчинялся крестьянскому суду, а еще крестьяне не имели права отказаться от земельных наделов и свободно выйти из общины.

По словам известного историка реформы крепостного права Л. Г. Захаровой, в политической концепции либеральной бюрократии существовало «представление о возможности установить гражданское равенство крестьян с другими сословиями без подлинной свободы для “благодетельствованных”»⁴⁰. К этому можно добавить различия двух сословий в общественном положении, традиции в отношениях друг к другу, наконец, элементарные предрассудки, связанные с уровнем образования, проблемами материальными и нравственными, преодолеть которые можно было только при особых усилиях и спустя значительное время.

Источники, связанные с особенностями подготовки и проведения реформы отмены крепостного права в Орловской губернии, на наш взгляд, подтверждают точку зрения историка И. А. Христофорова, высказанную им в его монографическом исследовании. Он отметил, что «если искать то общее, что объединяло их (представителей дворянской оппозиции. — В. Б.) накануне 1861 г., то это будут не олигархические претензии, не требования сохранить сословный характер землеводства, даже не отрицание выкупа земли крестьянами, а признание необходимо-

³⁹ Северная пчела. 1861. 18 апр. № 86.

⁴⁰ Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 18.

сти сосредоточить местную власть в руках землевладельцев»⁴¹. Яркой иллюстрацией сказанному может служить выдержка из письма Владимира Петровича Орлова-Давыдова, крупнейшего российского землевладельца, обладателя земельной собственности в Московской, Петербургской, Симбирской, Самарской и Орловской губерниях. Письмо относится к 1 июля 1861 г. В нем автор сетовал на то, что мировой посредник участка, на котором находилось его имение, созвал волостное собрание, не предупредив хозяина имения, «заставил их (крестьян. — В. Б.) выбрать Голову и, проведши с ним несколько часов, уехал, не показавшись вовсе в... доме» хозяина⁴².

Утрата прежних властных полномочий помещичьим дворянством, по мнению В. П. Орлова-Давыдова, привела к фактам неуплаты оброка, рубки чужого леса, отказа от обязательных работ, но главное заключалось даже не в материальных потерях. Новый статус бывших хозяев стал очевиден для крестьян, которые были с ними «по-прежнему вежливы и почтительны», но следующие строки письма показывают степень неудовлетворенности автора его современным положением: «Они даже говорят графине: “Нам жалко Вас”. Признаюсь, я никогда не надеялся возбуждать в них это чувство»⁴³.

Возвращаясь к участию С. И. Мальцова в событиях, связанных с подготовкой отмены крепостного права, необходимо остановиться на его записке, которая, по сведениям III Отделения, переходила из рук в руки по всей стране и отличалась большой популярностью в дворянской среде. Ее автор пытался провести параллели между событиями во Франции XVIII в. времен Великой французской революции и современной ему России, широко используя труд Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция».

По мнению С. И. Мальцова, французский опыт с характерным для страны мелким землевладением, политической централизацией со стороны деспотической власти, ослаблением «просвещенного аристократизма» должен был служить предостережением в политике российских властей. В книге А. де Токвиля ключевой для С. И. Мальцова мыслью, которая проходит в разных вариантах через все содержание его записки, являлась идея о том, что «несчастный Людовик XVI незадолго до своей гибели <...> продолжал видеть главного соперника королевской власти именно в аристократии; он опасался ее так, словно еще не миновали времена Фронды»⁴⁴.

У С. И. Мальцова эта идея была представлена следующим образом: «И в России дерзнули говорить, что дворянство не нужно, ибо заслоняет государя от народа, как будто желая до конца сохранить сходство со всем, что творилось и делалось в несчастной Франции»⁴⁵. У автора записки, как и у большинства разделявших его взгляды, дворянское сословие выступало в качестве гаранта стабильности, поэто-

⁴¹ Христофоров И. А. Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 120.

⁴² Орлов-Давыдов, граф Владимир Петрович. Письма к [Краинскому] Василию Андреевичу. 1861 // Отдел рукописей РГБ (далее ОР РГБ). Ф 219. Орловы-Давыдовы. Картон 10. Д. 50. Л. 1 об.

⁴³ Там же. Л. 1 об. — 2.

⁴⁴ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 130.

⁴⁵ Цит. по: Сладкевич Н. Г. Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации. С. 71.

му в период грядущих преобразований тесный союз власти и дворянства представлялся им безальтернативным.

Само по себе обращение к труду де Токвиля не являлось чем-то, выходящим за рамки политического дискурса. В отличие от времени советского, когда французский публицист оценивался как враг революции и реакционер, в 1850-х гг. работами этого автора восторгались великий князь Константин Николаевич, будущий министр внутренних дел П. А. Валуев, известные либеральные деятели К. Д. Кавелин и князь В. А. Черкасский. Редакция журнала «Библиотека для чтения» также разделяла взгляды французского политика, выделяя среди главных источников произошедшей во Франции революции разраставшееся «правительственное сосредоточение» на фоне углублявшегося упадка аристократии⁴⁶.

Записка С. И. Мальцова потому и пользовалась популярностью, что разделяла общий взгляд на проблемы предстоящих преобразований, среди которых на одном из первых мест находилось недоверие к чиновникам, пусть даже и принадлежавших к дворянству, но получавших государственное жалованье и не переживавших о доходах со своих имений. Более того, именно опыт Франции по созданию «дробной поземельной собственности» с превращением бывших помещичьих крестьян в мелких собственников при сохранении крупного помещичьего хозяйства лежал в основе концепции большинства либеральных реформаторов⁴⁷.

В записке С. И. Мальцова французскому земельному законодательству противопоставлялось английское, с арендой земли на определенный срок, с сохранением крупной собственности, с добровольным уничтожением британской аристократией ряда собственных средневековых привилегий ради восстановления социальной справедливости и упреждения народных волнений и государственных переворотов.

С. И. Мальцов состоял в переписке с уже упоминавшимся князем В. П. Орловым-Давыдовым, являвшимся представителем землевладельческой элиты, источники доходов которой главным образом зависели от благоприятного развития сельскохозяйственного производства. В его собственности в 1860 г. находилось 258 тыс. десятин и 23 тыс. ревизских душ⁴⁸.

В своем письме, адресованном князю 6 марта 1859 г., он отмечал, что его записка была подготовлена под впечатлением от царских рескриптов и «глубоких (глубоких. — В. Б.) министерских пояснений» к ним⁴⁹. Он сетовал на министерское «самоуправство», высказывал надежду на то, что депутаты редакционных комиссий от губерний не только будут выслушаны правительством, но и сумеют выработать в ходе совместных обсуждений общую линию, добиться единства и стать настолько сильными, чтобы «оградить Государя от влияния неблагонамеренных или нечестных людей»⁵⁰.

⁴⁶ Современная русская летопись. Общее обозрение // Библиотека для чтения. 1859. Т. 156. Август. С. 14.

⁴⁷ Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России. С. 16.

⁴⁸ Чернуха В. Г. Забытый общественный деятель — граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809–1882 гг.). С. 57.

⁴⁹ Письма Мальцова Сергея Ивановича. 1859, 1861 // ОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 55. Д. 19. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 2.

Российский монарх в условиях подготовки отмены крепостного права выступал «гарантом преобразований»⁵¹, и от того, к кому он прислушивался при обсуждении возникавших проблем, во многом зависел итог принимаемых решений. Оценка в письме С. И. Мальцова людей, оказавшихся в числе ближайшего окружения Александра II, как «неблагонамеренных» или «нечестных» была навеяна личным предубеждением. Упомянутые в письме князь В. А. Черкасский, А. И. Кошелев и другие активные участники подготовки и последующей реализации реформы отдали много сил для успешного воплощения в жизнь намеченных преобразований, а их вина, по мнению С. И. Мальцова и его единомышленников, заключалась в отстранении «деятелей сословно-дворянского направления»⁵² от участия в подготовке предстоящей отмены крепостного права. Впрочем, бюрократы-реформаторы со своей стороны приложили немалые усилия для дискредитации своих политических оппонентов, для которых было придумано призванное вызывать исключительно отрицательные эмоции обозначение — «олигархи».

Деятельность С. И. Мальцова, созданный им промышленный район на территории с низким плодородием земель — говорят сами за себя. Однако предприимчивый ум, энергия и опыт этого человека оказались не востребуемыми в грядущих реформах. Такая же участь была уготована и будущему предводителю петербургского дворянства В. П. Орлову-Давыдову, который также оказался исключенным из числа участников этого процесса.

В конце 1859 — начале 1860 г. в большинстве губерний должны были проходить дворянские выборы. Министерство внутренних дел, предвидя возможность нежелательных дискуссий на тему предстоящей реформы, специальным циркуляром запретило собраниям касаться крестьянского вопроса. Несмотря на это, в целом ряде губерний были приняты более или менее оппозиционные постановления и адреса.

В Орле выборы состоялись 17 декабря 1859 г., и на дворянское собрание специально был приглашен обладавший собственностью в Орловской губернии, но входивший в состав Симбирского комитета В. П. Орлов-Давыдов. В Симбирске он был избран одним из двух депутатов для представления в Петербурге разработанного местным дворянством проекта, но Главный комитет принял решение об обязательном присутствии в редакционной комиссии представителей меньшинства от всех губерний, и В. П. Орлов-Давыдов, занявший второе место по числу набранных голосов, вынужден был уступить свое место. Такая же ситуация наблюдалась в Орловском комитете, где были избраны И. М. Хлюстин и А. А. Потулов, но в конечном итоге последний был заменен на коллежского советника А. Н. Хвостова⁵³.

Находясь на собрании в Орле, В. П. Орлов-Давыдов довольно эмоционально высказался по поводу своего отстранения от работы в редакционной комиссии: «Большинство должно всегда решать и везде решает, кроме как у нас. Я сам жертва противной теории, так как я член от симбирского большинства и должен был

⁵¹ На такой оценке его роли сходятся как дореволюционные, так и современные историки. См.: *Захарова Л. Г.*: 1) Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России. С. 18; 2) Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

⁵² *Долбилов М. Д.* Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах. С. 32.

⁵³ Делопроизводство по канцелярии Редакционных комиссий: о вызове в Санкт-Петербург членов Губернских комитетов второго приглашения // РГИА. Ф. 1180. Т. 15. Оп. 15. Д. 134. Л. 5, 34 об.

уступить место члену от меньшинства. На чем это основано, не постигаю, но я буду очень сожалеть, если мы с вами будем следовать этому обычаю...»⁵⁴

Собрание в Орле отличалось дискуссионным характером, в дебатах приняли участие С. И. Мальцов, подготовивший проект адреса на высочайшее имя с критикой политики правительства, и губернский предводитель дворянства В. В. Апраксин, старавшийся смягчить остроту поставленных вопросов. Участникам собрания было предложено принять вариант, на котором настаивал предводитель, но некоторые дворяне «изъявили желание подписать постановление с оговоркой “при мнении”»⁵⁵. Граф В. П. Орлов-Давыдов, которого, по его словам, вызвали в Орел «тремя телеграфическими депешами» (вероятно, оппозиционно настроенные представители комитета во что бы то ни стало хотели его видеть на заседании), скрепил своей подписью документ без оговорки «при мнении», «от которой и прочие дворяне впоследствии отказались»⁵⁶.

В своем выступлении, которое проходило под одобрительные возгласы присутствовавших, он говорил о том, что «дворянство может при настоящем кризисе и понизиться в своем значении, и устоять, и, наконец, подняться и улучшить свое положение»⁵⁷. Наибольшее же впечатление, сопровождавшееся дружной поддержкой со словами «справедливо», вызвали его следующие слова: «Дело теперь идет не о правах дворянства. Гораздо важнее многосложные для нас самих, дворян, дороже наших прав — наши обязанности. <...> Труднее исполнять наши обязанности, чем защищать наши права, но первое несравненно полезнее для общества и почетнее для нас»⁵⁸.

Положительные эмоции в зале заседания Орловского комитета также вызвали слова о том, что не следует делать выбор между правительством и дворянством, что эти понятия являются синонимами: «Правительство не может существовать без содействия дворянства, дворянство не имеет причин существования, если не содействует общественному благоустройству»⁵⁹.

О степени удовлетворенности выступлением гостя из Москвы можно судить по письму, написанному после этого собрания и адресованному В. П. Орлову-Давыдову одним из членов Орловского комитета. В нем говорилось о плодотворных последствиях визита как раз в части обращения внимания не на одни права, но и на обязанности дворян, «сопряженных с этими правами»⁶⁰, а также о брошюре В. П. Орлова-Давыдова, изданной в Париже летом 1959 г., которую в Орловской губернии переводили и переписывали жены и дочери дворян⁶¹.

⁵⁴ Орлов-Давыдов Владимир Петрович. Речь, сказанная при постановлении орловского дворянства послать адрес на высочайшее имя. 17 декабря 1859 г. // ОР РГБ. Ф.219. Орловы-Давыдовы. Картон 80. Д. 19. Л. 2–2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 1.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 1 об.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 2.

⁶⁰ Орлов-Давыдов Владимир Петрович. Письмо от неустановленного лица — члена Орловского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян // ОР РГБ. Ф.219. Орловы-Давыдовы. Картон 69. Д. 56. Л. 2 об.

⁶¹ В 1859 г. В. П. Орлов-Давыдов опубликовал в Париже два памфлета “Réflexions préalables sur les bases proposées au mode d’émancipation des Serfs en Russie. Par un Député d’un Comité provincial” («Предварительные соображения об основаниях, предложенных по поводу способа освобождения

Общее одобрение выступления со стороны присутствовавших не исключало и некоторой неудовлетворенности услышанным со стороны определенной части участников собрания. «Орловская партия» ждала большего от В. П. Орлова-Давыдова и готова была высказать свои претензии самому императору, но выступавший твердо придерживался своих принципов, не позволявших переступить определенную грань в выдвигаемых требованиях. Концептуально это выглядело следующим образом: из дворянства следовало создать «оппозицию ее величества, а не ее величеству»⁶², то есть коалицию верноподданных и благонамеренных оппонентов режиму, возражавших лишь тогда, когда возникала видимость опасности нарушения интересов дворянства со стороны бюрократов-реформаторов. На орловском собрании речь шла о непосредственном обращении к императору, и В. П. Орлов-Давыдов проявил разумную сдержанность.

Дворянские комитеты осознанно обходили стороной то обстоятельство, что, теряя определенные права, помещик в то же время освобождался и от различных обязанностей в отношении прежних своих крепостных. В заседании Орловского комитета от 28 января 1859 г. о масштабах дворянской ответственности говорил представитель от Болховского уезда Аркадий Дмитриевич Карпов. Помещик должен был «заботиться как о нравственном, так и материальном благосостоянии крестьян, предупреждать нищенство, кормить в голодные годы, давать кров и пищу, отвечать перед правительством за подати и повинности и многое другое, <...> неисполнение этих обязанностей влекло даже за собой взятие всего имения в опеку»⁶³. Однако орловские дворяне еще на заседании 14 ноября 1858 г. постановили, что все повинности крестьян перед правительством, за которые прежде «ответствовал помещик, возлагаются на ответственность самих крестьян»⁶⁴. Впрочем, на практике это положение пока еще не находило применения, да и вопрос о вотчинной власти в большинстве дворянских комитетов не вызывал сомнений, поскольку рассматривался на основе одного из пунктов высочайших рескриптов и программы Министерства внутренних дел, разосланной в апреле 1858 г.

О взглядах В. П. Орлова-Давыдова на предстоящую реформу можно судить по составленным им выдержкам из книги «*Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Écosse et de l'Irlande*» («Эссе о земледелии в Англии, Шотландии и Ирландии»), посвященной земледелию в Великобритании⁶⁵. Автором этого труда, написанного в 1854 г., являлся французский экономист Леонс Гийо Лавернь. Отрывками из его работы В. П. Орлов-Давыдов поделился с С. И. Мальцовым, который отметил в своем письме, что «выписки из *Luverne* (так в тексте. — В. Б.) очень поучительны»⁶⁶.

крепостных в России») и “*Lettre d'un député de comité a monsieur le Président de la Commission de Rédaction, Aide de camp général Rostovtsoff*” («Письмо к председателю Редакционной комиссии генералу Ростовцеву»). В письме к В. П. Орлову-Давыдову речь шла о второй брошюре.

⁶² Чернуха В. Г. Забытый общественный деятель — граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809–1882 гг.). С. 60.

⁶³ Отчеты о занятиях Губернских комитетов: Московского, Нижегородского, Новгородского, Олонецкого, Оренбургского и Орловского // РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. 1858–1859. Д. 153. Л. 432.

⁶⁴ Там же. Л. 373.

⁶⁵ *Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, de l'Écosse et de l'Irlande* by Louis Gabriel Léonce Guilhaud de Lavergne, Léonce de Lavergne. Paris, 1855.

⁶⁶ Письма Мальцова Сергея Ивановича. 1859, 1861 // ОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 55. Д. 19. Л. 1.

Вслед за французом В. П. Орлов-Давыдов считал необходимым осуществление переселения крестьян даже в принудительном порядке, поскольку постоянная оседлость являлась препятствием для свободного развития землевладения. Более того, длительное пользование одним наделом ограничивало жителей, являлось отяготительным для почвы и препятствием освоению плодородных земель в малонаселенных районах.

Говоря о проблеме переселения, следует отметить особенность обсуждения предстоящей реформы. Дело в том, что некоторые помещики, не решаясь открыто выступить против правительственной программы, под видом детализации ее общих положений вносили в нее существенные поправки. Так, помещик из Ливенского уезда Орловской губернии, не назвавший своего имени, разместил рассуждения о праве переселения крестьян на новые земли в «Журнале землевладельцев»: «Будучи вполне убежден в благих намерениях правительства, я не разделяю этого мнения, потому что, действительно, в тех имениях, где есть значительные помещичьи усадьбы, а крестьяне поселены около этих усадеб, было бы значительным неудобством оставить крестьян на этих усадьбах, с обращением усадеб в их собственность»⁶⁷.

За переселение крестьян высказывались и другие орловские помещики. Хозяин имения из того же Ливенского уезда, подписавший свой небольшой проект инициалами С. К., выступил против решения правительства относительно выдачи крестьянам той усадебной земли, на которой они тогда жили, ссылаясь на неудобства «чересполосного владения в самом селении»: «Одна скотина крестьянская, которая и теперь часто заходит в господские гуменники, сады и огороды, была бы постоянным источником неприязненных отношений крестьян к помещикам»⁶⁸. Он также считал, что помещику следует позволить нарезать крестьянам землю в собственность под усадьбы за пределами селения и даже без всякого выкупа, поскольку на крестьянах «останутся все те же обязанности по владению землей, какие они и теперь несут, прибавится новая тяжесть по выкупу усадеб, следовательно, положение их вовсе не улучшится: напротив, ленивые накопят множество недоимок, а ретивые легко могут выбиться из сил»⁶⁹.

Коллежский регистратор Дмитрий Никанорович Башкатов, входивший в состав Орловского губернского комитета и также являвшийся помещиком Ливенского уезда, считал, что «занимаемая крестьянским семейством усадьба в таком только случае может остаться при нем, когда отведенная ему земля будет прилегать к ней; в противном случае все, или несколько усадеб следует перенести на отведенную им землю»⁷⁰. Решение о переносе предусматривалось оставить за помещиком, но обязательно при этом крестьянам должно было быть выплачено пособие, размеры которого и качество отведенной земли должны были утверждаться губернским комитетом. Оговаривалась также возможность бесплатного владения крестьяна-

⁶⁷ Еще об усадьбах // Журнал землевладельцев. 1858. № 1. Апрель. Раздел VII. С. 13.

⁶⁸ Там же. С. 14.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Башкатов Д. Предположение о будущем устройстве помещичьих крестьян в губерниях хлебородных и густонаселенных // Журнал землевладельцев. 1858. № 12. Октябрь. Раздел IV. С. 90.

ми старой усадьбой, «чтобы в это время приготовить новое место для огородов и конопляников»⁷¹.

Еще один тезис, отмеченный В. П. Орловым-Давыдовым, касался раздробления земли на небольшие участки. Л. Г. Лаверь утверждал, что эта мера превратила землевладельцев в пролетариев, а общинное владение существовало во многих странах и везде было признано пагубным. Ввести его было легко, а для ликвидации потребовались столетия. Наконец, отдача земли в наем по взаимному соглашению была одобрена всей Европой и являлась надежным способом обеспечения поселян, привлечения капиталов и усовершенствования качества обработки земли.

«Орловский вестник» спустя 15 лет после осуществления аграрной реформы привел примеры «пагубного» влияния общинного владения землей. Газета ссылалась на мнение одного из местных землевладельцев, который аттестовал общину следующими краткими, но выразительными словами: «Общинное пользование и переделы везде, и результаты губительные»⁷². По словам брянского помещика, делившегося своими наблюдениями относительно общинного землепользования, «крестьянин нисколько не радеет о своей земле, не прилагает особенного труда ни к обработке оной, ни к очищению кустарников и пней, коими покрыты поля и луга, и никогда не удабривает своей земли, зная наперед, что, будучи усовершенствована, она ему не попадет более, и что другой крестьянин более сильный, иногда за штоф вина завладеет ею»⁷³. Выход он видел в разделе земли на участки и в расселении крестьян, в результате чего неотделимо принадлежавшая крестьянской семье земля стала бы лучше удобряться и рационально использоваться.

Автор статьи в «Орловском вестнике», который привел это мнение брянского помещика, не был с ним согласен, но не в части оценки отношения крестьян к земле при общинном землепользовании, а в части того, как характеризовалось значение организации системы самоуправления в деревне, аргументируя свою точку зрения тем, что «общинное владение землей не представляет изолированного явления: оно стоит в связи с целым строем народного быта»⁷⁴. Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения на эту тему, отметим, что в непродолжительном времени после осуществления реформы критика общинного землевладения приобрела широкое звучание.

Для полноты коллективного портрета представителей «орловской партии» необходимо рассказать еще об одном ее ярком представителе. Определение «олигарх» к нему было совершенно неприменимо, поскольку он не являлся обладателем крупных земельных владений и капиталов. Речь пойдет о брянском предводителе дворянства — Василии Андреевиче Краинском.

Он происходил «из обер-офицерских детей»⁷⁵ и, получив домашнее воспитание, поступил в 1822 г. на службу унтер-офицером во Владимирский уланский полк. В 1828 г. был произведен в прапорщики и направлен на службу в Арзамасский конно-егерский полк. В 1830 г. Василий Андреевич был уволен в чине поручика.

⁷¹ Там же.

⁷² Соколовский П. Об общинном землевладении // Орловский вестник. 1876. 1 июля. № 50.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Дети, рожденные еще до получения их отцами-офицерами чинов, дающих потомственное дворянство.

Родовое имение В. А. Краинского находилось в Смоленской губернии и включало в себя 132 десятины земли и 12 душ крестьян в Дорогобужском уезде, 260 десятин и 20 душ в Духовщинском уезде⁷⁶.

В Брянском уезде Орловской губернии земля (150 десятин) была приобретенной и принадлежала его жене, Александре Егоровне Краинской. По восьмой переписи чета Краинских имела в собственности 90 душ крепостных, а потомственными дворянами они стали только в 1850 г.⁷⁷ Это произошло после награждения главы семейства орденом Св. Анны 3-й степени «за ревностное содействие к успешному размежеванию дач общего и чрезполосного владения»⁷⁸.

Знакомство В. А. Краинского с С. И. Мальцовым, а через него с В. П. Орловым-Давыдовым происходило на фоне очевидного разрыва социальных связей землевладельческой элиты с мелким и средним дворянством. Однако общность взглядов на ход подготовки реформы сделали брянского предводителя дворянства (в этой должности с 7 мая 1860 г.) не просто их активным сторонником, но и разработчиком самостоятельных проектов. В одном из его писем к В. П. Орлову-Давыдову содержится его обозначение того направления, к которому он себя причислял: «либерально-охранительные силы». Себя лично он именовал «защитником монархии и законного правительства»⁷⁹. Впрочем, эти определения только лишний раз доказывают условность терминологии, применяемой к тем представителям дворянства, которые выступили в качестве выразителей его сословных интересов в период подготовки реформы отмены крепостного права.

Находясь в составе Орловского губернского комитета, В. А. Краинский подготовил две дополнительные записки. Ключевые идеи первой из них были связаны с желанием сохранить дворянскую земельную собственность. Однако поскольку уже пришло осознание или необходимость признания того, что «дарование крестьянам личных и по имуществу прав есть дело разумно-человеческое и своевременное»⁸⁰, в записке содержались авторские предложения разрешить сложившуюся ситуацию с минимальными потерями для землевладельцев. В. А. Краинский заявлял, что «над всей предстоящей реформой, изменяющей отношения дворянства к народу, преобладают три капитальных вопроса: финансовый, административный и политический»⁸¹. По его убеждению, игнорирование хотя бы одного из них не могло привести к ожидаемому положительному результату при осуществлении реформы.

⁷⁶ Формулярный список о службе чиновника особых поручений VI класса при Киевском Подольском и Волынском генерал-губернаторе, статского советника Василия Андреевича Краинского // РГИА. Ф. 1284. Оп. 42-1866. Д. 291. Л. 55.

⁷⁷ Журналы (протоколы) заседаний дворянского депутатского собрания о внесении дворян в родословную книгу Орловской губернии // Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 68. Оп. 1. Д. 26. Л. 87.

⁷⁸ Формулярный список о службе чиновника особых поручений VI класса при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, статского советника Василия Андреевича Краинского. Л. 56.

⁷⁹ Краинский Василий Андреевич. Письма к Орлову-Давыдову, гр. Владимиру Петровичу. 1862 г. // ОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 52. Д. 45. Л. 15.

⁸⁰ Мнение члена Орловского комитета В. Краинского // Материалы губернских комитетов об устройстве быта помещичьих крестьян Орловской губернии. [Б. м.], 1859. Конволюты.

⁸¹ Там же.

Основываясь на данных, взятых из опыта других государств, он ставил под сомнение тезис о том, что вольнонаемный труд при обязательном наделении крестьян землей сможет быстро увеличить богатство России: «Мы имеем до 18 миллионов обоего пола свободных крестьян, которые, в общей сложности, не только ничего не производят для внутренней и внешней торговли своими сельскохозяйственными произведениями, но сами покупают для собственного потребления помещий (так в тексте. — В. Б.) хлеб»⁸².

Отвечая на возможный вопрос о том, за счет чего же существуют эти крестьяне, автор записки заявлял: «Существование их обеспечивается кражей и опустошением государственных лесов, отдачей им по низкой цене казенных оброчных статей, скоплением недоимок, не подлежащих пени и подлежащих к сложению со счетов по всемиростивейшим манифестам, и другими подобными средствами: в работники же они никогда не нанимались и не нанимаются за весьма редким исключением и то при особых местных условиях»⁸³.

В. А. Краинский в своих записках дословно воспроизвел ключевую для него мысль: до настоящего времени главным образом за счет помещичьих хозяйств содержались армия и флот, осуществлялась внутренняя и внешняя торговля. Все это, по его мнению, сразу исчезнет в результате предполагаемых преобразований. Помещичьи хозяйства с накопленными веками основными капиталами, внезапно лишенные всех оборотных денежных средств и рабочей силы, неминуемо должны были погибнуть, а предполагаемый кризис невозможно будет преодолеть в 50-летний, а может, и в 100-летний период. В доказательство сказанному В. А. Краинский ссылаясь на пример Смоленской губернии, «некогда цветущей и богатой, ныне до сих пор бедной, после истребления в ней в 1812 году сельскохозяйственных капиталов, скопленных двумя столетиями»⁸⁴. Речь шла о разрушениях, нанесенных войной, рекрутских наборах в размере 10 от 100 ревизских душ, приведших к уменьшению работоспособного населения⁸⁵.

Выход автор видел в том, чтобы сохранить существовавшую трехдневную крестьянскую повинность, которая для них «нисколько не обременительная», а в противном случае ее сокращение «уменьшит господские запашки, а с ними произведения земли и денежный обмен, вознаграждающий сельскохозяйственный труд»⁸⁶. Наделение крестьян землей В. А. Краинский относил к «великодушному попечению помещиков», не сомневаясь в справедливости решения ими этой проблемы: «В поземельной собственности, неприкосновенной на основании высочайшего рескрипта и всех основных государственных законов, никто не имеет права быть великодушным кроме самого собственника земли, если не желаем демократическо-социалистического учения о разделе чужой собственности»⁸⁷.

Возможность выкупа крестьянами земли автор записки ставил под сомнение, поскольку государство, по его мнению, таких средств подготовить пока еще не су-

⁸² Краинский В. А. Дополнительная записка члена Орловского Губернского Комитета к мнению его, приложенному к проекту Комитета [1859 г.] // ОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 81. Д. 40. Л. 2 об.

⁸³ Там же. Л. 2 об. — 3.

⁸⁴ Там же. Л. 3.

⁸⁵ Там же. Л. 4.

⁸⁶ Мнение члена Орловского комитета В. Краинского.

⁸⁷ Там же.

мело, а право собственности нарушать было нельзя. Только «время и труд» могли помочь постепенно скопить капиталы, нужные для этой операции.

Еще один пункт проекта В. А. Краинского предполагал необходимость накопления самими крестьянами «денежных общественных капиталов», и тогда «их выкуп будет зависеть от собственного их труда, а не от посприяния законов и мер насилия над чужой собственностью»⁸⁸. Завершалась записка словами, еще раз повторявшими главную ее идею: «Не могу по совести и не имею право по закону изъяслять от имени дворянства согласия на какое-либо прямое или косвенное нарушение прав собственности, ему принадлежащей, и считаю всякое ограничение этих прав, если бы таковое потребовалось при настоящей реформе как в способах вознаграждения за прекращение повинности обязательного труда крестьян и дворовых людей, так и в поземельной собственности, возможным и законным только по прямому согласию тех дворян-помещиков, за коими полнота и неприкосновенность их прав собственности утверждены высочайшим рескриптом от 16 марта 1858 года и всеми нашими основными государственными законами»⁸⁹.

Вероятно, можно говорить о том, что у Орлова-Давыдова, Мальцова и Краинского присутствовали разные мотивы их особой позиции в отношении предстоящих преобразований. Первых двух волновала перспектива их личного участия, прочного союза верховной власти и дворянства в этот период, последний в большей степени был озадачен последствиями проводимых реформ. Из личной переписки представителей дворянской оппозиции, из разработанных ими проектов и других документов следует, что их верноподданнические заверения «ни в коей мере нельзя считать чистой риторикой». «Монархия немислима без дворянства, а дворянство не имеет смысла вне монархии...»⁹⁰ — таков главный мотив их поведения. «От моих убеждений я могу отступить только тогда, когда встречу убеждения более верные, чем мои»⁹¹, — эти слова В. А. Краинского не являются простой сентенцией.

С. И. Мальцов, вероятно, мало верил в успех предпринимаемых шагов, о чем можно судить из его письма к В. П. Орлову-Давыдову: «Говорят, что будто Черкасского, Кошелева и проч. сделали редакторами Положения, долженствующего решить нашу судьбу или лучше сказать Вашу...» Себя он исключал из числа тех, чью судьбу должны были решить бюрократы-реформаторы, объяснив это своим желанием покинуть Отечество, «которое не буду, не могу разлюбить»⁹².

Это было похоже на жест отчаяния, но отъезд за границу на постоянное жительство не состоялся, и в дальнейшем С. И. Мальцов вновь подтвердил свою принадлежность к лидерам дворянского конституционно-аристократического течения. Войдя в состав Орловского дворянского комитета, он в декабре 1859 г. вместе с тринадцатью помещиками Брянского уезда представил проект всеподданнейшего адреса с предложением через привлечение выборных от дворянства «без посредников» говорить царю правду. Ознакомленный с проектом Александр II был преис-

⁸⁸ Мнение члена Орловского комитета В. Краинского.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Христофоров И. А. Аристократическая оппозиция Великим реформам... С. 98–99.

⁹¹ Краинский Василий Андреевич. Письма к Орлову-Давыдову, гр. Владимиру Петровичу. 1862 г. // ОР РГБ. Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 52. Д. 45. Л. 15.

⁹² Письма Мальцова Сергея Ивановича. 1859, 1861 // Там же. Картон 55. Д. 19. Л. 2–3.

полнен негодования и приказал запретить С. И. Мальцову въезд в Санкт-Петербург и Москву, а также выезд за границу⁹³.

Впрочем, в 1861 г. тот все же провел семь недель за границей, о чем свидетельствует еще одно письмо к В. П. Орлову-Давыдову, написанное на французском языке. В нем он заявил, что не будет участвовать в выборах в Москве, поскольку, по его словам, вернулся в страну лишь для того, чтобы решить, «можно ли жить в России или нет»⁹⁴. В. П. Орлов-Давыдов в начале 1865 г. произнес речь на знаменитом собрании московских дворян и участвовал в составлении проекта всеподданейшего адреса царю с просьбой о созыве общего собрания «выборных людей от земли русской»⁹⁵.

С 12 октября 1863 г. по 16 июня 1864 г. Правительствующий сенат рассматривал дело по рапорту Орловского губернского правления о предании суду брянского уездного предводителя дворянства В. А. Краинского. По выдвинутым обвинениям тот, во-первых, совершал самовольные и продолжительные отлучки и прекратил исполнение обязанностей по должности председателя дворянской опеки, во-вторых, халатно относился к делопроизводственной документации и не контролировал опекунские имения, а также превышал свои властные полномочия⁹⁶.

Сенат препроводил дело на заключение министра П. А. Валуева, а из представленных объяснений самого В. А. Краинского следовало, что причиной обвинений являлось его несогласие с назначением брянских мировых посредников. Новый орловский губернатор, по мнению обвиняемого, был введен в заблуждение чиновниками правления, стремившимися «уничтожить дворянство и возвысить собственные выгоды»⁹⁷. На основе представленных министром внутренних дел документов Сенат принял решение оставить представление Орловского губернского правления без последствий⁹⁸.

В декабре 1862 г. В. А. Краинский был освобожден от должности уездного предводителя дворянства «по прослужении срочного по выборам времени и за избранием новых лиц на занимаемые им места»⁹⁹. В дальнейшем он продолжил службу в Киевской губернии в должности мирового посредника, а затем чиновника «для занятия по крестьянским делам» при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Интересно, что еще в апреле 1861 г. В. А. Краинский был удостоен как член дворянского комитета серебряной медали «За труды по освобождению крестьян». Символичны слова, определявшие награду от имени Александра II: «Да перейдут в потомство имена верных мне в этом деле сподвижников»¹⁰⁰.

Дворянство, по мнению современника событий, историка и правоведа Б. Н. Чичерина, вело особенную общественную жизнь, к которой еще мало было причастно купечество и совсем не причастно крестьянство. Констатируя тенденцию к сбли-

⁹³ Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах. С. 40.

⁹⁴ Письма Мальцова Сергея Ивановича. Л. 3.

⁹⁵ Устимович П. Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве. М., 1886. С. 44–45.

⁹⁶ Дело по указу Правительствующего сената о предании суду брянского предводителя дворянства Краинского за злоупотребления по опеке // РГИА. Ф. 1284. Оп. 49-1863. Д. 164. Л. 9–10.

⁹⁷ Там же. Л. 6.

⁹⁸ Там же. Л. 13 об.

⁹⁹ О причислении к МВД Краинского — чиновника особых поручений VI класса // РГИА. Ф. 1284. Оп. 42-1866. Д. 291. Л. 58.

¹⁰⁰ Там же.

жению сословий, автор отмечал, что «дворянство не одними правами было отделено от других сословий, но и целым строем жизни. Обычай устанавливает между дворянским обществом и купеческим или крестьянским несравненно более широкое расстояние, нежели закон»¹⁰¹.

Практика реализации реформы в Орловской губернии в какой-то степени явилась подтверждением сказанного. Автор статьи в газете «Орловский вестник», посвященной особенностям землевладения в губернии, отмечал: «Дворянское землевладение отличалось тем, что дворянство смотрело на него не только как на источник дохода, но и как на продолжение родовых и сословных традиций»¹⁰². Опираясь сведениями по двум орловским уездам, автор статьи констатировал, что за 20 лет, прошедших после отмены крепостного права, «дворянское землевладение по Елецкому и Ливенскому уездам уменьшилось приблизительно на 25 процентов; из 200 тыс. десятин дворянских земель Елецкого уезда около 40 тыс. десятин перешло к купцам и от 5 до 6 тыс. десятин — в крестьянские руки»¹⁰³.

В статье также отмечалось, что купец на покупку земли обычно затрачивал капитал свободный, без которого можно было обойтись в торговле или в фабричном деле, его не связывали с землей никакие семейные или сословные традиции. Не признавал он и «нравственных традиций», связанных с фактом землевладения. Живописуя последствия реформы, автор констатировал, что по Елецкому уезду, например, не содержалось ни одной начальной школы на купеческие деньги: «Вообще положение крестьян сильно ухудшается с переходом имения в купеческие руки». «Выросший в суровой жизненной школе, наученный “с камня драть лыко” и “на обухе молотить горох”, купец не только знает цену каждой копейки, но и цену снопа соломы и горсти зерна; идеалов здесь нет, господствует сухое, эгоистическое коммерческое право»¹⁰⁴.

Мы далеки от мысли, что дворянское землевладение являлось благом для крестьян, но описанная ситуация объясняет мотивы, которыми руководствовались представители дворянской оппозиции, предостерегая власти от кардинальных шагов в деле «улучшения быта помещичьих крестьян». Широко используемое понятие «исторический деятель» отражает роль человека именно как участника, творца истории. Конечно, не обходится и без иллюзорных представлений относительно вклада того или иного человека в ход исторического развития, но эти иллюзии также являются неотъемлемой частью данного процесса и с ними необходимо считаться, чтобы понять и оценить совокупность политических условий и обстоятельств, присущих общественным настроениям той или иной исторической эпохи.

References

- Blok M. *Apologiia istorii ili Remeslo istorika*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 232 p. (In Russian)
- Chernukha V.G. Zabytyi obshchestvennyi deiatel' — graf Vladimir Petrovich Orlov-Davydov (1809–1882 gg.). *Iz glubiny vremen*, St. Petersburg, 1996, iss. 6, pp. 54–64. (In Russian)
- Dolbilov M.D. Aleksandr II i otnena krepostnogo prava. *Voprosy istorii*, 1998, no. 10, pp. 32–51. (In Russian)

¹⁰¹ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов... С. 89.

¹⁰² Земледелие и земледельцы средней черноземной полосы.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

- Dolbilov M. D. Soslovnaia programma dvorianskikh “oligarkhov” v 1850–1860-kh godakh. *Voprosy istorii*, 2000, no. 6, pp. 32–50. (In Russian)
- Druzhinin N. M. “Zhurnal zemlevladel'tsev” (1858–1860 gg.). *Druzhinin N. M. Izbrannye trudy. Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Rossii*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 5–97. (In Russian)
- Fedosov I. A. Revoliutsionnaia situatsiia v Rossii v 1859–1861 gg. *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1961, no. 2, pp. 127–131. (In Russian)
- Iudin E. E. Aristokratiia i bogatstvo v Rossiiskoi imperii v 1890–1914 gg.: struktura lichnykh raskhodov krupneishikh zemlevladel'tsev (po dokumentam RGADA, RGIA, GARF). *Istoriia i arkhivy*, 2019, no. 4, pp. 12–38. (In Russian)
- Kashchenko S. G. *Orlovskaiia derevnia v nachale 60-kh gg. XIX veka. Ekonomicheskiiye posledstviia osvobodzheniia pomeshchich'ikh krest'ian*. Briansk, Kursiv Publ., 2013, 340 p. (In Russian)
- Khristoforov I. A. *Aristokraticheskaia oppozitsiia Velikim reformam (konets 1850-kh — seredina 1870-kh gg.)*. Moscow, Russkoe Slovo Publ., 2002, 432 p. (In Russian)
- Khristoforov I. A. Dvorianskie sobraniia o sud'be «vysshego sosloviia» posle otmeny krepostnogo prava (60-e gody XIX v.). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 3, Istoriia, 2000, no. 3, pp. 55–67. (In Russian)
- Kochukova A. V. «Liberal'nye biurokraty» i dvorianstvo v reforme 1861 goda: vzgliad sovremennika, *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, ser. Istoriia, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2007, t. 7, iss. 1, pp. 20–29. (In Russian)
- Litvak B. G. *Russkaia derevnia v reforme 1861 g. Chernozemnyi tsentr. 1861–1895*. Moscow, Nauka Publ., 1972, 427 p. (In Russian)
- Sladkevich N. G. *Ocherki istorii obshchestvennoi mysli Rossii v kontse 50-kh — nachale 60-kh godov XIX veka*. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta Press, 1962, 286 p. (In Russian)
- Sladkevich N. G. Oppozitsionnoe dvizhenie dvorianstva v gody revoliutsionnoi situatsii. *Revoliutsionnaia situatsiia v Rossii v 1959–1861 gg.* Moscow, Izd-vo AN SSSR Press, 1962, pp. 64–92. (In Russian)
- Zaionchkovskii P. A. N. G. Sladkevich. Ocherki istorii obshchestvennoi mysli Rossii v kontse 50-kh — nachale 60-kh godov XIX veka. *Voprosy istorii*, 1963, no. 12, pp. 120–122. (In Russian)
- Zakharova L. G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861*. Moscow, 1984, 256 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 29 октября 2020 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: October 29, 2020

Accepted: May 25, 2021